

Игорь Сдобников

Ожившие мертвецы. Начало

ЛитРес: Самиздат
Москва

УДК 82-312.4
ББК 84(2)6
С27

Сдобников И. А.

Ожившие мертвецы. Начало / И. А. Сдобников —
Москва: ЛитРес: Самиздат, 2020. — 351 с.

ISBN 978-5-532-06465-2

Неизвестный вирус уничтожает человечество, превращая людей в зомби. Города разрывает от хаоса, выбрасывая на дороги обезумевших выживших и ходячих мертвецов. Бригада рабочих пробирается сквозь агонию умирающего мира с Крайнего Севера на материк к своим семьям. Лоск цивилизации стерт, выбросив наверх первобытные инстинкты. И главное не превратиться в нелюдя до того, как ты станешь ожившим мертвецом.

ISBN 978-5-532-06465-2

© Сдобников И. А., текст, 2019
© Omiko Trading LTD., оформление, 2020

Глава первая. Восьмеро с северной вахты.

Заполярье. Вокруг бескрайняя снежная пустыня, ледяная степь, прерия – кому как угодно, тот так и назовёт. Солнце, отражаясь от снега, ярким ножом резало по глазам. Миша, прищурившись так, что недоразобранный скелет буровой вышки слился в сплошную серую полосу, направился от жилого блока к складу. Недели полторы уже никто из вахтовиков не работал, и четыре дня никто толком ничего не ел, поэтому и без того тяжёлый тулуп вовсе давил к земле.

Полярное солнце в апреле уже начинает пригревать, на складе же холод будто законсервировался и не хотел отступать. Рука привычно потянулась за выключателем и замерла на полпути, Миша вспомнил, что свет позавчера отрубили ради экономии дизеля в генераторе. Глаза привыкли к полумраку, Миша шагнул к стеллажу недалеко от входа, двинул в сторону пластмассовую коробку с торчащей из неё монтировкой, пошарил на ощупь в темноте, достал спрятанный, едва початый сигаретный бычок. Он сбросил тулуп на пол, с удовольствием почувствовав лёгкость в теле, сел, прислонившись к стеллажу, чиркнул зажигалкой, прикуривая. Ядовитый дым проник в лёгкие, разгладив в голове беснующиеся мысли. Нирвана.

В столовом блоке в это время шёл скандал, от которого, в общем-то, Миша и ушёл, предпочитая не вмешиваться и предоставить разбираться бригадиру Юрию Санычу Бетке, строгому сильному пятидесятилетнему мужику, потомку поволжских немцев.

Всего в бригаде их было восемь: Юрий Саныч, Серёга Попов, он же Доктор, Витя Михайлов, Лёха Редькин, Олег Варламов, он же Инженер, Саня Лапшунов, Фархад повар, то ли татарин, то ли башкир, и он, Михаил Мякинин, тридцати двух лет от роду, бывший старший оперуполномоченный уголовного розыска и позже отдела экономической безопасности, судимый и теперь бурильщик. Завезли их сюда на остров Сенгейский в начале декабря, в самую стужу и начинающуюся полярную ночь разбирать буровую станцию. По

«легенде» – как по оперски окрестил Миша историю, которую им рассказали вербовщики – геологоразведка сообщила об обнаружении нефти на Сенгейском и силами нефтяной компании там построили буровую вышку. До нефти в итоге не добились – ошиблась геологоразведка – и теперь вышку надлежало разобрать. Если честно, Миша не очень-то верил в «легенду», скорее всего нефтяники как обычно «освоили» народные деньги. Обнаружение нефти было обычной ширмой для воровства и вывода денег на зарубежные счета.

Впрочем, никому до этого не было дела: всем хорошо платили, чтобы они крутили гайки, таскали железки. Из настоящих бурильщиков был только Саныч, он-то точно обо всём знал, или догадывался, но держал рот на замке.

Раз в неделю из Нарьян-Мара к ним приезжала «вахтовка» – это крашенный в оранжевый цвет «Камаз» с оранжевой же будкой на хребте. «Вахтовка» почему-то была всегда немытая, наверное ещё с осени, и напоминала чумазый апельсин, вытасченный из лужи. Она привозила в основном еду, иногда что-нибудь иное, необходимое для работы и жизни. «Вахтовку» встречать вылезали все: хоть какое-то развлечение в этой пустыне. Сбрасывая груз, «Камаз» разворачивался, призывно поводя оранжевыми боками, и не одному Мише хотелось унырнуть в тёплую будку да рвануть в маленький, но красивый и яркий как пряник Нарьян-Мар.

Пять недель назад «вахтовка» не приехала. А за два дня до этого полностью вырубилась связь: и спутниковый телефон, и рация. На такой случай в неприкосновенном запасе хранились мясные и фруктовые консервы, которые удалось растянуть на некоторое время. Примерно неделю назад в том, что не приедет «вахтовка» уже никто не сомневался. Работа затухла сама по себе, Саныч, понимая, что давить на звереющих людей не стоит, молчал.

Утро началось также мрачно, как и последние четыре голодных дня. Фархад достал мясную говяжью консерву, разложил по восьми тарелкам, положив каждому ещё по замёрзшему мочёному яблоку и ржаному сухарю. Семь истончившихся обросших бородами и щетинами лиц с угрюмым молчанием наблюдали за этим.

– Газ кончается, – сообщил Фархад, смотря в сторону Саныча, – нужно к генератору подсоединяться.

– Лишнее топливо пойдёт и так бензина ограничено, – заметил Инженер Варламов.

– С крана слей со своего, – ответил Лёха Редькин. Варламов, кроме того, что мог всё починить, работал ещё на кране.

– С тобой сливали, – снова сказал Инженер, с хрустом раскусывая сухарь.

– Значит, не долили! – повысил голос Лёха, бросив со звоном на стол вилку. Редькин – молодой, двадцати четырех лет от роду задира из Шатуры, хамло и отморозок, любитель блатной романтики, всё время изображающий из себя матёрого урку, но ни разу не сидевший на зоне, однако, по его словам, имеющий за спиной множество административных протоколов за пьянки и драки.

– Тихо, тихо! – повысил в свою очередь голос Саныч. – Разберёмся!

– Разберёмся, – передразнил Бетке Лёха, – тоже мне «бугор»! Твоя обязанность условия нам создавать.

Саныч хотел было ответить, но смолчал, решил, видно, не затевать спор: пусть пошумит, да поутихнет. Но Редькин завёлся и успокаиваться не собирался. Посмотрел на Фархада:

– Ты чего-то жрёшь без аппетита. Схозячил уже свой запас сегодня, а? Чего башкой трясёшь? Все, вон, худеют, а ты нет. Как так, поясни?

– Отстань, Лёха, – сказал Витёк Михайлов, судимый то ли за разбой, то ли за убийство и поэтому единственный, кого по-настоящему уважал Редькин, – повар – мужик с понятиями.

Фархад благодарно посмотрел на Витька.

Какое-то время Лёха молча поедал скудный завтрак, пока не опустела тарелка. Снова обвёл мрачным взглядом вахтовиков. Напротив на свою беду оказался Саня Лапшунов, тихий образованный сорокалетний мужик, когда-то окончивший Бауманку, но нигде себя в жизни так и не нашедший, поэтому и батрачивший сейчас в Заполярье.

– А ты чего, ботаник?!

– Ну хватит! – рявкнул Бетке. – Тебе чего, домотаться не до кого? Энергии много, так иди вышку разбирай!

– Сейчас, ага! Ты меня накорми сначала.

– А Лёха прав, бригадир, – поддержал Редькина Витёк, – снегоход у нас есть, карабин – у тебя. Дай нам его, кого-нибудь, да подстрелим. Нельзя на медведя ходить, так у нас вынужденная необходимость – есть такая статья в уголовном кодексе, отмажемся.

Карабин действительно был. Но не для охоты, а как раз на случай, если вдруг белые мишки придут и начнут безобразить. Такое случилось редко, но оружие могло пригодиться. Карабин Саныч держал в тяжёлом засыпном сейфе, а ключ прятал.

Прежде, чем Бетке ответил, подал голос Варламов:

– Медведи тебе что: косяками ходят? Горючку без толку истратите, её и так нету.

– Заглохни, Инженер! – взбеленился Редькин.

Миша отложил вилку рядом с опустевшей тарелкой, поднялся. Железные ножки стула проскрипели по кафельным плитам. Он не собирался участвовать в прениях и захотел уйти.

– Ты куда, ментяра?

– Иди на хрен, – послал Миша Редькина. Таких как Лёха он навидался в уголовном розыске: стоит их задержать по жёсткому, а в отделе ещё мешком с песком по почкам двинуть, так борзота с них слетает настолько, что они становятся скулящей противоположностью тому, кем были. Миша больше даже презирал Редькина, чем ненавидел его, поэтому, видя, что тот встаёт, двинулся ему навстречу, намереваясь с удовольствием дать ему в рожу – давно накопело. Между ними встал Бетке, возвышаясь над каждым почти на голову.

– А ну, сидеть! – огромной лапой он хлопнул Лёху по плечу, усадив его на стул. Мякинину сказал:

– Иди, Мих, прогуляйся!

Мякинин вышел на улицу, постоял, втягивая ноздрами суховатый холодный воздух всё ещё зимней тундры. Захотелось курить, но тут же отмёл эту мысль: бросил три года назад, нечего и начинать снова. Ничего, скоро расчёт и домой, от этого стало спокойнее.

Думалось: вот где-нибудь в Европе или в США даже на черновые работы в таких условиях наверное подбирают психологически совместимых людей. Тут же набрали сброд и неудачников – лишь бы подешевле. Того же Лёху Редькина работать заставляла не столько зарплата и Саныч, сколько доведённая до него информация, что олигархам, кому принадлежит вышка, правила не писаны, разбираться по закону и каким-то «понятиям» они не будут: вывезут в тундру и пропадёт человек. Не сами, конечно, а их «солдаты». Таких мразей как Лёха только страх работать заставит. Даже тяжёлые условия и вынужденное отшельничество на краю земли не сблизили с Редькиным никого, кроме Витька.

Когда Миша зашёл, было ещё шумнее, но, в основном, от смеха вахтовиков и довольного рёгота Редькина.

– Будешь спички доставать, мент? – спросил его Лёха. – Нас пятеро: Док – неприкасаемый, а бригадир здесь нужен за порядком смотреть.

– Мы решили выбрать двоих, кто в Нарьян-Мар поедет, – пояснил Саныч удивлённому Мише, – кто вытянет короткую спичку – тот и в путь. Правы, ведь мужики, Миша, «апельсина» месяц нет, связь заглохла. Вдруг НАТОвцы напали?

Про НАТО Бетке то ли пошутил, то ли всерьёз сказал, но никто не улыбнулся.

– Рассаживайтесь!

Никто не сел, наоборот, все теснее полукругом стоя облепили обеденный стол, напротив них стоял бригадир. Саныч зажал в открытой ладони большим пальцем пять спичек, протянул ладонь над столом.

– Оп! – Редькин первый схватил спичку из середины, никто и не сомневался в том, что он полезет первым, потому и не тянулся. Спичка была короткой, Редькин заподпльсывал на месте:

– Давай, Витёк, тяни! В город поедем, бухла возьмём, тёлок снимем!

– Вот, блин! – вырвалось у Лапшунова, он явно не хотел ехать с Лёхой, если вдруг ему выпадет жребий.

– Давай, Санёк, поддержишь за хоботок! – Витя Михайлов улыбался во весь рот. Если интеллигент поедет с Редькиным, то, значит, Витёк не зря ради такой забавы голодал эти дни. Улыбка слетела с него, когда Лапшунов вытянул длинную. Короткая не досталась также Фархаду.

– А теперь – суперигра! – прокомментировал Михайлов и потянулся к спичкам, подмигнув Лёхе.

– Не подведи, братан! – отозвался тот.

Витя потащил спичку, рассмотрев её, засмеялся. Рожа Редькина с редкой, торчащей в стороны бородой, вытянулась.

– Эй, вы чё, в натуре?! Это ж беспредел! Я не поеду с ментом!

– Это судьба, Лёха! – сквозь смех сказал Михайлов. – К тому же мент в отличие от тебя зону потоптать успел, хоть и красную. Глядишь, чему-нибудь научит по дороге!

Нет, определённо для Витька было весёлое утро.

– Ну вас! – махнул рукой Лёха и шагнул в сторону прохода, ведущего в раздевалку.

– Итак...

Саньч посмотрел на кухонные настенные часы.

– Сейчас половина одиннадцатого. Олег Евгеньевич, аккумулятор на снегоходе заряжен?

– Месяц назад зимник укатывали, с тех пор один раз на полчаса ставил, – наморщив лоб, ответил Инженер, – если и заряжать, то минут сорок, не больше.

– Значит, через час можно выезжать, – заключил Бетке. – До города по прямой – сто двадцать километров, по зимнику – все сто восемьдесят. Бензина хватит?

Инженер кивнул.

– Ну, Михаил, иди, собирайся. Ты за рулём, ты старший.

Саньч, как в театре, выдержал короткую паузу, отческим голосом добавил:

– Не шалите по дороге, тундра шуток не любит...

Бригадир посмотрел в сторону Инженера, обжёгся об его пронзительный, поведённый печалью взгляд. Ни он, ни Бетке никому не сказали, что спутниковую трубу они не слышали больше недели, а

рация, за два дня, как замолчать, отчаянно хрипела и сквозь эфирные помехи и злые матюги по ту сторону, выдала только два разборчивых слова: «вирус» и «конец», как в каком-нибудь триллере. Но в киношные сюжеты никто из них не верил.

Когда-то Миша представлял себе замёрзшую тундру как огромное заснеженное ровное озеро, ну или почти ровное поле. И он никогда не думал, что тундра может и вправду напоминать степь: всхолмленную, прорытую балками и оврагами. Обходя их, вился наезженный зимник, по которому, урча, стелился снегоход «Росомаха», на котором в чёрных тулупах, унтах, ветрозащитных шерстяных масках, в народе именуемые «балаклавы», и пластиковых солнечных очках ехали вахтовики. Лёха перед отъездом завёл плеер, который с любезного разрешения Саныча заряжал в его ноутбук, поэтому не мешал с разговорами, иногда вскрикивая на поворотах: «Полегче, не дрова везёшь!».

В город заезжали с восточной стороны, как советовал Бетке: оттуда недалеко до улицы Ленина, где располагался офис компании, их нанявшей. В город советовали на снегоходе не заезжать, ибо неизвестно, как к этому местные отнесутся— здесь свои порядки. Может и разрешено, но город небольшой и можно прогуляться, благо морозов сейчас особо нет. «Росомаху» оставили недалеко от ДЮСШ, уютно пристроив его рядом с крайним к порту домом. Лёха показал в сторону спортивной школы, сумничал:

— Глянь, все окна на первом этаже заколочены. Знаешь зачем? От медведей. Как-то белый медведь в школу забрался, не здесь вроде, так детей подрал.

— Угу, — согласился Мякинин, кидая ключи от снегохода в глубокий карман тулупа, — пошли.

Снег хрустел под ногами, Редькин ворчал:

— С последнего снегопада больше недели прошло. У коммунальщиков забастовка что ли?

Гул в голове начал проходить (больше трёх часов ползли как-никак!) и только сейчас Миша начал понимать, что его так напрягло: было тихо, не хлопали двери, не гомонила ребятня, радуясь относительно для здешних мест теплу, не слышно было автомобилей. Улица за ДЮСШ была также заснежена, истоптана хаотичными тропами. Местами две или три тропы шли рядом, будто кто-то «прочёсывал» улицу. Мужики разом остановились, вертя головами: в некоторых домах были выбиты стёкла, иногда вместе с рамами, машины стояли с холмиками снега на крышах, посреди улицы чернел остов сгоревшего грузовика, марку которого определить теперь было тяжело.

– Что здесь случилось? – спросил Миша то ли у себя, то ли у Лёхи.

– Ураган был наверное, – ответил Редькин, которому были не знакомы законы природы в их географических территориях. Закатав вверх маску, обернулся к Мякинину:

– Куда нам, прямо? – и сам ответил:

– Пойдём, там разберёмся. Лишь бы бабки заплатили, а то на стихийное бедствие всё спишут.

Миша, чувствуя неясную тревогу, пошёл за Редькиным.

На труп они набрали метрах в ста от улицы Ленина, он лежал рядом с торговым центром, ко входу которого был сметён длинный и высокий сугроб, доходивший почти до второго этажа, бульдозер, которым этот сугроб собирали, сиротливо стыл неподалёку с грустно опущенным к низу отвалом.

– Мокруха, – заключил Лёха, подойдя и посмотрев на труп. Миша, аккуратно сменяя снег с убитого, с профессиональным интересом начал его рассматривать. Покойнику было снесено полчерепа и, видимо, с близкого расстояния и явно из «огнестрела», нижняя часть лица, включая нос, сохранилась хорошо, если так можно было сейчас сказать.

– Не нравится мне это, – задумчиво протянул он, но Лёха не слышал, он ушёл куда-то в сторону.

Мякинин в свою бытность в уголовном розыске насмотрелся всяких покойников: убитых холодным и огнестрельным оружием, искромсанных топором, и даже забитых насмерть предметами для